

ZBORNÍK KATEDRY RUSKÉHO JAZYKA A LITERATÚRY FILOZOFICKEJ
FAKULTY UNIVERZITY KOMENSKÉHO K 30. VÝROČIU VZNIKU KATEDRY,
Bratislava, 1977.

В лингвистической части сборника помещены статьи Яна Светлика, Ульяны Фецаниновой, Герхарда Балажа, Михала Чабалы, Сватавы Шебеёвой, Штефана Швагровского, Павла Шимы и Рудольфа Бетака.

Статья Яна Светлика "О структурных типах императивных предложений в русском и словацком языках" /стр. 5-34/ мотивирована тем, что в учебных пособиях лишь попутно рассматриваются императивные предложения, которые выделяются автором как особый тип предложений с точки зрения синтаксической модальности. Предложения, не содержащие прямого выражения требования, направленного на адресата с целью вызвать его реакцию действием, автор выносит за рамки императивных предложений. Он относит их к повествовательным предложениям. Напр.: Пусть он придет завтра. Я. Светлик выделяет, с одной стороны, двусоставные и односоставные императивные предложения, с другой стороны, глагольные императивные предложения с формами императива, с транспонированными формами глагольных предикатов /Пойдешь к маме и все расскажешь ей!/, инфинитивные императивные предложения, неглагольные /наречные, междометные, местоименные, субстантивные/ императивные предложения и фразеологизированные синтагмы /Два шага вперед!/. Эта классификация в основном совпадает с теми типами делений, которые мы находим в кандидатской диссертации А. В. Прокопчика /М., 1955/, М. Ш. Емасовой /М., 1954/, Ю. В. Ванникова /М., 1962/. Автор статьи много внимания уделяет способам обозначения разных степеней категоричности императивного акта. Некоторые выводы автора могут быть использованы при сопоставлении других языков и в типологических исследованиях. Так, напр., структурные типы императивных предложений в большей степени совпадают в словацком и венгерском языках, чем в словацком и русском или в венгерском и русском. Мы абсолютно согласны с автором в том, что он далеко не полностью исчерпал данную проблему. Некоторые из его формулировок являются неточными, так как они не основываются на многостороннем анализе собранных автором примеров и изучении специальной литературы. Так, напр., автор утверждает, что "в словацком языке инфинитив используется так правило в военных командах, в то время как в русском языке в них используются формы императива гла-

гола" /стр. 27/. В русских военных командах также часто используется инфинитив, поскольку он подчеркивает безразличие к личности адресата и создает эффект резкого, категоричного обращения. Напр.: Надеть ранец! Снять ранец! Не растягиваться! Сзади подтянуться! Снять штыки /противогазы!/ Продолжать огонь! Прикнуть штыки! Прекратить огонь! Усилить огонь! Стоять смирно! и др. /См.: А. Н. Кожин, О языке команд, приказаний. Уч. зап. МОПИ, т. 204, вып. 14, 80/. Трудно согласиться с общим утверждением автора, по которому "несовершенный вид императива глагола более категоричен, чем совершенный вид" /стр. 16/. Чем объясняется тогда, что в одних военных и спортивных командах глаголы употребляются только в форме СВ, в других - только в форме НСВ? Ср.: Поставьте ноги на ширину плеч! Руки оставьте на поясе! Согните ноги! Поднимите руки! Ноги соедините! Выпрямитесь! Вдохните! - Ложись! Стройся! Ложитесь на спину! Равняйся! Расходитесь! Держитесь! Приседайте! Слегка наклоняйтесь вперед! При параллельном употреблении форм СВ и НСВ вида также можно сомневаться в том, что они различаются в первую очередь степенью строгости команды. Ср.: Наклоните/Наклоняйте туловище вперед! Поверните/Поворачивайте голову! Опустите/Опускайте руки! Чтобы ответить на вопрос об употреблении видовых форм глагола в побудительных предложениях, требуется более тщательный анализ семантики и структурных типов этих предложений. К сожалению, указание автора, что "при наречиях типа: никогда, больше в русском языке дается предпочтение глаголам несовершенного вида" /стр. 21/ не является убедительным вследствие отсутствия примеров из художественной литературы. Собранные нами примеры не подтверждают возможность употребления форм СВ, если в побудительном предложении употребляются отрицательные местоимения или наречие больше. В побудительных же предложениях с неопределенными местоимениями возможны только формы СВ. Ср.: Никуда не уходи до моего прихода - Не уйди куда-нибудь до моего прихода.

В статье "Вариантность или дублетность ударения в русском литературном языке" /стр. 35-49/ Ульяна Фецанинова указывает, что одни и те же слова и формы слов могут иметь дублетное ударение: 1/ под влиянием аналогии - звóнит вм. звонíт, под влиянием прóсит, 2/ под влиянием диалектного ударения - севернорусские диалекты сохраняют более архаический тип ударения /на приставке, предлоге или суффиксе/.

чем южнорусские. Ср.: засу́ха - засу́ха, заго́вор - заго́вор, на́ берег - на бе́рег, за́ руку - за ру́ку, бонда́рь - бонда́рь, тво́рог - тво́рог, 3/ под влиянием иноязычной лексики или профессионализмов - демократиа́ /с латинским ударением/ - демократиа́ /с греческим ударением/, 4/ вследствие лексической дифференциации - пахну́ть 'повеять чем-н.' - пахну́ть 'издавать запах', во вре́мя чего-н. - во́время, 5/ вследствие стилистической дифференциации - молоде́ц - мо́лодец, деви́ца - де́вица, ше́лковый - шелко́вый /последние варианты отличаются фольклорно-поэтической окраской/. Далее на примере отглагольных существительных автор доказывает, что выбор места ударения в русском языке вместо одного-двух факторов определяется несколькими. Автор не указывает на основании каких источников был составлен список слов с дублетным ударением в литературном языке. Многие из них как указывается в "Словаре ударений для работников радио и телевидения" под ред. Д. Э. Розенталя /М., 1970/ не могут иметь дублетного ударения. К таким словам относятся, напр., слова демократиа́, диало́г, импо́рт, уме́ньшить, настороже́нность, мышле́ние, преми́ровать, норми́ровать, баллотиро́вать, словоформы про́лил, про́лили и др. Следовательно, дублетность ударения в современном русском литературном языке не совсем такая, как это представлено автором статьи.

В статье "Пассивные конструкции с выраженным агенсом в русском языке" /стр. 50-62/ Герхард Балаж поставил перед собой цель установить семантический и формальный прием выделения пассивных оборотов в конструкциях со страдательными причастиями в современном русском языке. Ср.: Дом построен/строится каменщиком - Это явление было названо/называется энтропией - Письмо написано карандашом. Автор статьи успешно решил поставленную задачу.

В статье "O používaní ruského syntetického komparativu adjektiv v atributívnej funkcii" /стр. 63-78/ Михал Чабала устанавливает возможности реализации бесприставочных и приставочных форм русского адъективного компаратива в атрибутивной функции с учетом их морфологических и синтаксических особенностей, а также смысловой и стилистической нагрузки. /В венгерской славистике этой проблеме посвящена статья Йожефа Юхаса, см. *Studia Slavica*, III., 1957/.

В статье "Konštrukcie so zvratnou slovesnou formou a hodnotiacím slovom" /79-86/ Сватавы Шебеёвой выделяется семь структурных

типов конструкций с возвратной глагольной формой и качественно-количественным определителем, сигнализирующих возможность/невозможность подвергаться определенному воздействию": Песня о Родине сладко поется. Рыба ловилась с изобилием - Конь не ловится. Рифмы легко запоминаются. Полотно легко гладится. Дверь свободно открывается. Некоторые камни легко дробятся. Башмаки быстро стаптываются.

В статье "Некоторые синонимические средства выражения атрибутивной посессивности в русском языке" /стр. 87-97/ Галина Конфедеракова дает характеристику некоторых синонимических средств выражения посессивных отношений в рамках род. падежа, сопоставляя их с другими средствами выражения атрибутивной посессивности. Напр.: руки поручика - руки у поручика, дверцы шкафов - дверцы у шкафов, в тетради Анны Петровны - в тетради у Анны Петровны, крышка чайника - крышка от чайника, глава романа - глава из романа, но только ария из оперы.

В статье Штефана Швагровского "K histórii rusko-slovenskej a slovensko-ruskej lexikografie" /стр. 98-106/ приводится обзор и краткая характеристика русско-словацких и словацко-русских словарей, составленных в Словакии с 90-х годов прошлого века до наших дней. /Автором первого русско-словацкого словаря (вышел в 1892 г.) и словацко-русского словаря (вышел в 1900 г.) является Л. Мичатек/.

В статье "Надстрочные знаки и иктус в Житии Алексея /по списку М-9/" /стр. 107-113/ Павел Шима рассматривает приемы фиксации надстрочных знаков и иктуса в Житии об Алексее, которое отнесено автором на основании филигранологии М-9 к 16 столетию и принадлежит к среднеболгарской редакции. Памятник хранится в Государственном архиве в г. Прешов. Житие Алексея в составе кодекса М-9 отражает доевфимиевскую систему расстановки надстрочных знаков, несоотнесимую с системой младшей эпохи развития сербохорватского языка. Иктус обозначался одним надстрочным знаком - оксией. Остальные надстрочные знаки обозначают конец, начало слова, гласный с предшествующим иным гласным или долготу.

Статья Рудольфа Бетак "Práca s textom na analytické čítanie v strednej škole" /стр. 114-126/ посвящена методике преподавания русского языка в средней школе. Автор статьи утверждает, что "перевод на родной язык в этой части усвоения русского языка не имеет обоснования". По мнению автора "языковая цель текстов для аналитического чтения требует как главного способа работы с ним анализа /лексического, грамматического, фонетического, орфографического/, а не перевода на родной язык". Жаль, что автор "изгоняет" из школы перевод, не приводя экспериментальных данных. Развитие методики как науки невозможно без проведения соответствующих экспериментов. Только на основании ряда экспериментов можно определить место перевода в преподавании иностранных языков. Если мы отрицаем значение перевода, то мы отрицаем и целесообразность сопоставительного метода, который используется не в одной статье этого сборника.

В л и т е р а т у р о в е д ч е с к о й части сборника опубликованы четыре статьи на словацком языке с резюме /на русском языке/.

Этот сборник отражает научные интересы братиславских коллег и пройденный ими путь за 30 лет. По случаю юбилея кафедры желаем им дальнейших творческих успехов.

И. Пете